

Интеграция биржевых рынков Беларуси и России не только стимулирует экономический рост обеих стран, но и может стать драйвером для дальнейшей интеграции в других сферах. Она позволит успешно решать стратегические задачи, стоящие перед Союзным государством.

Опыт объединения биржевых площадок может быть использован в качестве модели для Евразийского экономического союза. Союзное государство как более продвинутое интеграционное объединение служит испытательным полигоном для практик, которые впоследствии могут быть распространены на ЕАЭС. Интеграция биржевых рынков решает задачу сопряжения различных форматов евразийской интеграции.

Беларусь и Россия, будучи участниками Союзного государства, готовы к более глубокой интеграции, чем позволяет формат ЕАЭС. Одновременно как члены ЕАЭС они не могут игнорировать его рамки. При создании общего биржевого рынка задача сохранения экономического и финансового суверенитета Союзного государства должна быть приоритетной. Эффективные решения, апробированные в рамках Союзного государства, могут быть распространены на Евразийский союз.

Создание общего биржевого рынка Союзного государства является стратегически важным шагом, направленным на улучшение экономической интеграции и содействие развитию биржевой торговли. Упрощение биржевых торгов приведет не только к увеличению их ликвидности, но и к устранению текущих барьеров, ускорению союзных программ, что окажет влияние на диверсификацию экономик стран. Успешное создание общего биржевого рынка может послужить моделью для дальнейшей интеграции ряда других стран, уже в рамках Евразийского экономического союза, и тем самым будет реализована одна из задач Стратегии–2025.

Литература

1. Информационно-аналитический портал Союзного государства. – Режим доступа: <https://soyuz.by/o-soyuznom-gosudarstve>. – Дата доступа: 11.05.2024.
2. Евразийская экономическая комиссия. – Режим доступа: https://eec.eaeunion.org/comission/department/dep_razv_integr/strategicheskie-napravleniyarazvitiya.php. – Дата доступа: 11.05.2024.
3. Белоруссия и РФ работают над созданием общего биржевого рынка Союзного государства // ТАСС. – Режим доступа: <https://tass.ru/ekonomika/19865599>. – Дата доступа: 11.05.2024.

УДК 82(091):94(470)

АДАМ МИЦКЕВИЧ И АЛЕКСАНДР ПУШКИН: ИСТОРИЯ ТОВАРИЩЕСТВА И ИДЕЙНОЕ ПРОТИВОСТОЯНИЕ

Д. А. Гаврилова

Учреждение образования «Гомельский государственный технический университет имени П. О. Сухого», Республика Беларусь

Научный руководитель И. А. Грищенко

Взаимоотношения А. Пушкина и А. Мицкевича рассмотрены не только на личностном уровне, но и в контексте межкультурного и межнационального взаимодействия в конкретных исторических условиях при актуализации сохранения национально-культурной идентичности.

Ключевые слова: А. Пушкин, А. Мицкевич, Польское восстание 1830 г., русско-польские культурное сотрудничество и противостояние в первой четверти XIX в.

ADAM MICKIEWICZ AND ALEXANDER PUSHKIN: THE HISTORY OF PARTNERSHIP AND IDEOLOGICAL CONFRONTATION

D. A. Gavrilova

Sukhoi State Technical University of Gomel, Republic of Belarus

Science supervisor I. A. Grishchenko

Relationship between Alexander Pushkin and Adam Mickiewicz have a certain interest. It relates on not only the problems of personal sympathies and struggles, but also the problems of interethnic interaction, preservation of national and cultural identity.

Keywords: A. Pushkin, A. Mickiewicz, Polish insurrection of 1830–1831, Russian-Polish cultural cooperation and confrontation in the first quarter of the 19th century.

Отношения между А. Пушкиным и А. Мицкевичем складывались непросто. Они включали в себя не только сильный взаимный интерес, но и моменты противоречий, недопониманий.

Александр Пушкин и Адам Мицкевич были одного возраста, оба – «властители душ» своего поколения, выразители национального духа своих народов, оба испытали влияние Байрона, водили дружбу с революционерами. Но что их сблизило, то и разделило: один – патриот России, другой – патриот Польши. Пушкин болезненно задел чувства Мицкевича своей реакцией на подавление Польского восстания 1830–1831 гг. (стихотворение «Клеветникам России»). Мицкевич так и не понял духовного мира Пушкина, бросив русскому поэту обвинения в продажности и моральной нечистоплотности. Пушкин, обличая Мицкевича, не снизошел до той отчаянной муки, которую испытывал польский поэт относительно исторической судьбы Польши. Оба «стоили» друг друга. Каждый вел себя так, как мог, умел и чувствовал [1, с. 152].

Поэты впервые встретились в Москве осенью 1826 г. Мицкевич был выслан из Вильно в Россию за участие в кружке филоматов. Пушкин за оду «Свобода», в которой критиковался царский деспотизм, был удален из северной столицы на юг страны. Знакомство обоих поэтов с участниками декабристского движения, дух свободымыслия должны были поспособствовать если не их сближению, то, по крайней мере, устойчивому интересу к творчеству друг друга.

Русское образованное общество встретило А. Мицкевича восторженно. В польском поэте видели гения европейского масштаба. Также восторженно в Москве был принят другой изгнанник – А. Пушкин. В силу своего взрывного характера Пушкин чувствовал себя по сравнению с Мицкевичем мальчишкой, хотя разница в возрасте была незначительной, – Мицкевич был безукоризненно воспитан, сдержан, производил впечатление более взрослого своей рассудительностью. Поэты сошлись быстро: «Знакомы недавно, но общаемся много и уже несколько дней друзья», – написал позднее Мицкевич во вступлении ко второй части «Дзядов», названной «Памятник Петру Великому».

«Прозорливый и крылатый поэт» – этими поэтическими определениями воссоздавал Пушкин образ польского поэта. В черновиках он выражался еще сильнее: «он был пророк», «он богом был». На Пушкина, как и на все просвещенное московское общество, большое впечатление произвели поэтические импровизации Мицкевича, с которыми он выступал в литературных салонах. Русский поэт «вскочил с места и, ероша волосы, почти бегая по зале, восклицал: «Какой талант! Какой священный

огонь! Что я рядом с ним!», и, бросившись Адаму на шею, обнял его и стал целовать как брата» [2, с. 41].

Пушкин переводил произведения Мицкевича: баллады «Три Будрыса», «Воевода» и вступление к «Конраду Валленроду». В свою очередь, Мицкевич в своем лекционном курсе о славянской литературе упоминал вольнолюбивые стихи Пушкина, а в 1837 г. написал статью «Пушкин и литературное движение в России», посвященную памяти великого русского поэта. У русского и польского поэтов совпадал взгляд на поэзию как на действенную, преобразующую силу в обществе. Недаром пушкинское стихотворение «Пророк» Мицкевич выделял особо.

В 1829 г. Мицкевич получил от русских властей разрешение на выезд за границу и больше с Пушкиным он не встречался. На дальнейшее развитие их отношений повлияла не литература, а политика. В 1830 г. в Варшаве вспыхнуло восстание. В очередной раз был поставлен вопрос о восстановлении Речи Посполитой. Польский вопрос стал в Европе одним из наиболее ярких воплощений идеи национального возрождения. Для Пушкина же Польское восстание – прелюдия общеевропейской войны против России. Либерал князь П. Вяземский раскритиковал пушкинское стихотворение «Клеветникам России», считая его неуместным: «Власть, государственный порядок часто должны исполнять печальные, кровавые обязанности; но у поэта, слава Богу, нет обязанности их воспевать» [3, с. 202]. Но политической ангажированности было предостаточно и у Мицкевича (восторженные воспоминания о встрече наполеоновской армии в Новогрудке в 1812 г., запечатленные в «Пане Тадеуше», не говоря уже о намерении А. Мицкевича участвовать в формировании польского легиона для борьбы против России в Крымской войне). Мицкевич разделял чаяния польских патриотов о восстановлении Речи Посполитой в границах 1772 г. Пушкин тоже задавался вопросом о границах: «Наш Киев дряхлый, златоглавый, / Сей пращур русских городов, / Сроднит ли с буйною Варшавой / Святыню всех своих гробов?» («Бородинская годовщина»).

Еще до польского восстания у Пушкина с Мицкевичем был спор по поводу личности Мазепы. Сомнительная для Пушкина позиция Конрада Валленрода помешала ему перевести одноименную поэму Мицкевича, эпиграфом к которой послужило высказывание Макиавелли об известном принципе в достижении цели. Для Пушкина предательство Мазепы и двойственность Мицкевича – одной природы. По мнению русского поэта, Мицкевич совершил экзистенциальное кощунство: позволил в «высшее» (дружба, творчество) вторгнуться «низшему» (политика). Политика в Мицкевиче возобладали над человеком и поэтом [1, с. 165]. Поэтому в «Конраде Валленроде» Пушкину приглянулось только вступление, где звучит мотив братства «соловьев», т. е. поэтов.

В эмиграции Мицкевич напечатал цикл стихотворений с нелестными высказываниями о России. Она выглядит в них традиционным для европейских представлений образом, как устрашающе дикое пространство, где лишь свист ветра и рабство, где лица людей «подобны пустынной и дикой равнине». Можно только догадываться, с каким чувством читал эти исполненные цивилизованного высокомерия строки автор «Евгения Онегина» [1, с. 155]. Досталось от Мицкевича и столице Российской империи: «Рим создан человеческой рукою, / Венеция богами создана; / Но каждый согласился бы со мною, / Что Петербург построил Сатана» («Дзяды», часть III). Пушкин ответил «Медным всадником», в котором высказал свое сложное, неоднозначное отношение к личности Петра I и его детищу – Санкт-Петербургу и империи. Пушкин сам отмечал, что стихотворение Мицкевича о Петре I заставило его полюбить и «тирана» (Александр I), и его клеветов (Милорадович, Бенкендорф) и столи-

цу. В письме к П. Вяземскому он объясняет свою патриотическую позицию: «Я, конечно, презираю отечество мое с головы до ног – но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство» [1, с. 158–159].

Работа над «Медным всадником» помогла Пушкину погасить личные эмоции во внеличном плане. Темпераментный Пушкин не спешил с ответом Мицкевичу на его обращение «К русским друзьям», где получил в свой адрес горький упрек в угодничании перед властью. Однако «державная» позиция Пушкина в польском вопросе не была конъюнктурна, это была позиция личная и продуманная. Пушкин никогда не старался понравиться власти. Достаточно вспомнить ответ поэта на вопрос Николая I, где бы он был, окажись в столице во время восстания в декабре 1825 г. Но в то же время, сочувствуя декабристам как человек, не мог согласиться с их методами преобразования России. В отличие от польского поэта Пушкин считал политику делом преходящим, а дружбу, чувства всегда ставил выше.

Четыре месяца Пушкин правил текст своего ответа Мицкевичу. В 1834 г. было опубликовано стихотворение «Он между нами жил», в котором Пушкин обозначил главный, с его точки зрения, грех польского поэта: предательство дружбы. Если Мицкевич считал, что Пушкин обслуживает своим талантом деспотическую власть, то Пушкин полагал, что Мицкевич свои стихи наполняет ядом «в угоду черни буйной». Концовки у поэтов принципиально разные, – у Мицкевича все пропитано проклятием и жаждой мести; Пушкин обращается к Богу с молитвой о своем друге, ставшим врагом: «освяти в нем сердце правдою Твоей и миром, и возврати ему...» Сравнение в благородстве тут не в пользу польского поэта. Друг А. Пушкина, А. Тургенев, положил текст этих стихов в 1842 г. на кафедру Мицкевичу, читавшему в Париже курс славянских литератур. На листке были приписаны слова В. Жуковского: «Голос с того света». Но ранее, сразу после смерти Пушкина, Мицкевич напечатал в Париже прекраснейший некролог с воспоминаниями, который подписал «Друг Пушкина» [4, с. 212]. Гибель русского гения обнулила все идейные разногласия двух великих поэтов.

Л и т е р а т у р а

1. Непомнящий, В. Условие Клеопатры. К творческой истории повести «Египетские ночи»: Пушкин и Мицкевич / В. Непомнящий // Новый мир. – 2005. – № 10. – С. 147–165.
2. Вересаев, В. Пушкин в жизни: Систематизированный свод подлинных свидетельств современников / В. В. Вересаев. – Минск : Маст. літ., 1986. – 685 с.
3. Ивинский, Д. П. Пушкин и Мицкевич: История литературных отношений / Д. П. Ивинский. – М. : Языки славян. культуры, 2003. – 432 с.
4. Цявловская, Т. Г. Рисунки Пушкина / Т. Г. Цявловская. – М. : Искусство, 1987. – 446 с.

УДК 330.34

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В САНАТОРНО-КУРОРТНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ

М. С. Захаревич

*Учреждение образования «Белорусский государственный
экономический университет», г. Минск*

Научный руководитель О. В. Малиновская

Инновационная деятельность санаторно-курортных учреждений является основным инструментом обеспечения конкурентоспособности санаторно-курортного турпродукта